

Забывтые герои

Сергей Петрунин

«Геройский подвиг донского казака Козьмы Крючкова». Военный лубок

Кем гордились в России в годы Великой войны

Козьма Крючков, Римма Иванова, Александр Казаков — 100 лет назад их знала почти вся страна. О подвигах

этих простых людей на Великой войне писали газеты и журналы, о них рассказывали детям в школах и ставили за них свечи в церквях. Нельзя сказать, что их слава совсем обошлась без пропагандистской составляющей — на каждой войне есть место подвигу, но чаще всего большинство из них остаются неизвестными. Тем не менее, тогда никому в голову не приходило что-либо выдумывать, как это всего спустя несколько лет активно станет делать советская пропагандистская машина. Новой власти потребуются не столько герои, сколько мифы, и реальные герои Великой войны будут несправедливо преданы забвению почти на век.

Лихой казак Козьма Крючков

В годы Первой мировой войны имя молодого казака Козьмы Крючкова было известно, без преувеличения, всей России, включая безграмотных и равнодушных к происходящему в мире и стране. Портрет статного молодца с лихими усами и фуражкой набекрень красовался на плакатах и листовках, лубочных картинках, почтовых открытках и даже папиросных пачках и коробках шоколадных конфет «Геройские». Крючков эпизодически присутствует даже в романе Шолохова «Тихий Дон».

Столь громкая слава рядового воина была следствием не только одной его доблести, которая, кстати, никакому сомнению не подлежит. Крючкова, выражаясь современным языком, «распиарили» еще и потому, что свой первый (но далеко не единственный) подвиг он совершил в первые дни войны, когда

всю страну переполнял ура-патриотический подъем и ощущение скорой победы над тевтонскими полчищами. И именно он получил в Первую мировую первый Георгиевский крест.

Козьма Крючков. Фото: Центральный государственный архив кинофотодокументов Санкт-Петербурга

К началу войны уроженцу Усть-Хоперской станицы Войска Донского (ныне территория Волгоградской области) Крючкову исполнилось 24 года. На фронт он угодил уже опытным бойцом. Полк, в котором служил Козьма, был расквартирован в литовском городке Калвария. Немцы стояли неподалеку,

назревало большое сражение в Восточной Пруссии, и противники наблюдали друг за другом.

12 августа 1914 года во время сторожевого рейда Крючков и трое его однополчан — Иван Щегольков, Василий Астахов и Михаил Иванков — внезапно столкнулись с разездом немецких улан численностью 27 человек. Немцы увидели, что русских всего четверо и бросились в атаку. Казаки пытались уйти врассыпную, но вражеские кавалеристы оказались проворнее и окружили их. Крючков пытался отстреливаться, но патрон заклинило. Тогда с одной шашкой он вступил в бой с окружившими его 11 врагами.

Через минуту боя Козьма, по его собственным воспоминаниям, был уже весь в крови, но раны к счастью оказались неглубокими — ему удавалось уворачиваться, в то время как сам бил врагов смертельно. Последние удары по немцам он наносил их же пикой, выхваченной у одного из убитых. А товарищи Крюčkова расправились с остальными германцами. К концу боя на земле лежали 22 трупа, еще двое немцев были ранены и попали в плен, а трое бежали прочь.

В лазарете на теле Крюčkова насчитали 16 ран. Там его навел командующий армией генерал Павел Ренненкампф, поблагодарил за доблесть и мужество, а затем снял георгиевскую ленточку со своего мундира и приколот на грудь героя-казака. Козьма был награжден Георгиевским крестом 4-й степени и стал первым русским воином, получившим боевую награду в начавшейся Мировой войне. Трех других казаков наградили георгиевскими медалями.

О доблестном казаке доложили Николаю II, а затем историю его подвига изложили на своих страницах почти все крупнейшие газеты России. Крючков получил должность начальника казачьего конвоя при штабе дивизии, его популярность к тому времени достигла апогея. По рассказам сослуживцев, весь конвой не успевал прочитывать писем, приходивших на имя героя со всей России, и не мог съесть всех посылок со сладостями, которые присылали ему поклонницы. Петроградцы прислали герою шашку в золотой оправе, москвичи — серебряное оружие. Когда дивизия, где служил Крючков, отводилась с фронта на отдых, в тыловых городах ее встречали с оркестром, тысячи любопытных зевак выходили поглазеть на народного героя.

Козьма при этом не «забронзовел» и испытание медными трубами выдержал — вновь просился на самые опасные задания, рисковал жизнью, получал новые раны. К концу войны он заслужил еще два георгиевских креста, две георгиевских медали «За храбрость» и звание вахмистра. Но после революции его судьба сложилась трагически.

Вначале он был избран председателем полкового комитета, после развала фронта вместе с полком вернулся на Дон. Но там началась другая братоубийственная война, в которой Козьма сражался за белых. Однополчане вспоминают, что он терпеть не мог мародерства, и даже редкие попытки подчиненных разжиться за счет «трофеев от красных» или «подарков» от местного населения пресекал плетью. Он знал, что само его имя привлекало новых добровольцев и не хотел, чтобы это имя было замарано. Легендарный казак воевал еще полтора года и получил последнее, смертельное ранение в августе 1919 года. Сегодня его именем назван переулок в Ростове-на-Дону, по его образу вылеплен казак в ансамбле памятника героям Первой мировой войны в Москве.

Сестра милосердия Римма Иванова

Еще одно имя, известное 100 лет назад всей России и почти забытое сегодня с героиня Первой мировой Римма Иванова, сестра милосердия и единственная женщина, награжденная орденом святого Георгия 4-й степени. Она погибла, будучи 21-летней девушкой.

Дочь ставропольского чиновника выбрала стезю народной учительницы, но занималась этим всего год. С началом войны Иванова окончила курсы сестер милосердия, работала в ставропольском госпитале, а в январе 1915 года добровольно направилась на фронт в полк, где уже служил врачом ее брат. Первую георгиевскую медаль получила за мужество при спасении раненых на поле боя — она делала перевязки под пулеметным огнем.

Римма Иванова. Фото: wikipedia.org

Родители волновались за девушку и просили вернуться домой. Римма писала в ответ: «Господи, как хотелось бы, чтобы вы поуспокоились. Да пора бы уже. Вы должны радоваться, если любите меня, что мне удалось устроиться и работать там, где я хотела. <...> Ведь не для шутки это я сделала и не для собственного удовольствия, а чтобы помочь. Да дайте же мне быть истинной сестрой милосердия. Дайте мне делать то, что хорошо и что нужно делать. Думайте, как хотите, но даю вам честное слово, что многое-многое отдала бы для того, чтобы облегчить страдания тех, которые проливают кровь. Но вы не беспокойтесь: наш перевязочный пункт не подвергается обстрелу. <...> Мои хорошие, не беспокойтесь ради Бога. Если любите меня, то старайтесь делать так, как мне лучше. <...> Вот это и будет тогда истинная любовь ко мне. Жизнь вообще

коротка, и надо прожить ее как можно полнее и лучше. Помогите, Господи! Молитесь за Россию и человечество».

Во время сражения у деревни Мокрая Дуброва (Брестская область сегодняшней Беларуси) 9 сентября 1915 года погибли оба офицера роты, и тогда Иванова сама подняла роту в атаку и бросилась на вражеские окопы. Позиция была взята, но героиня получила смертельное ранение разрывной пулей в бедро.

Узнав о подвиге сестры милосердия, Николай II в виде исключения посмертно наградил ее офицерским орденом Святого Георгия 4-й степени. На похороны героини собрались представители власти и сотни простых жителей Ставрополя, в прощальном слове протоиерей Симеон Никольский назвал Римму «Ставропольской девой», проведя параллель с Жанной д'Арк. Гроб в землю опускали под звуки оружейного салюта.

Однако вскоре в германских газетах был опубликован «решительный протест» председателя кайзеровского Красного Креста генерала Пфюля. Ссылаясь на Конвенцию о нейтралитете медицинского персонала, он решительно заявлял, что «сестрам милосердия не подобает на поле боя совершать подвиги». Эту нелепую ноту даже рассматривали в штаб-квартире Международного комитета Красного Креста в Женеве.

А в России по заказу военного ведомства был снят фильм «Героический подвиг сестры милосердия Риммы Михайловны Ивановой». Фильм получился карикатурным: сестра милосердия на экране, размахивая саблей, семенила по полю в туфлях на высоком каблуке и при этом пыталась не растрепать прическу. Офицеры полка, в котором служила Иванова, посмотрев фильм, пообещали «отловить антрепренера и заставить его съесть пленку». В столицу посыпались письма и телеграммы протеста возмущённых фронтовиков. В итоге по просьбе сослуживцев и родителей Риммы фильм был снят с проката. Сегодня именем Риммы Ивановой названа одна из улиц Ставрополя.

Первый русский ас

Летчикам Первой мировой войны повезло чуть больше других — спустя 100 лет помнят и про передовой для своего времени самолет Сикорского «Илья Муромец» и про «петлю Нестерова» и самого Петра Нестерова. Наверное, так произошло потому, что в авиации России всегда было чем похвастаться, а в первые советские десятилетия был настоящий культ покорителей небес.

Но когда говорят о самом знаменитом русском летчике-асе Великой войны — разговор не о Нестерове (он погиб через месяц после начала войны), а о еще одном забытом герое — Александре Казакове.

Казаков, как и Нестеров, был молод — в 1914 году ему едва исполнилось 25 лет. За полгода до начала войны он приступил к учебе в первой в России офицерской летной школе в Гатчине, в сентябре уже стал военным летчиком. 1 апреля 1915 года он повторил последний подвиг Нестерова — пошел на таран немецкого самолета. Но, в отличие от того, сбил вражеский «Альбатрос», а сам благополучно приземлился. За этот подвиг летчик был награжден Георгиевским оружием.

Александр Казаков. Фото: wikipedia.org

Казаков, судя по всему, тогда сумел первым выполнить маневр, задуманный Нестеровым, который на самом деле в своем последнем бою вовсе не собирался идти на верную смерть. Он рассчитывал ударить колесами шасси по плоскости крыла вражеского самолета, о чем заранее докладывал начальству, как о возможном и безопасном способе атаки. Но Нестерову, по заключению комиссии, выполнить такой маневр не получилось, и его самолет просто столкнулся с вражеским.

Другой выдающийся воздушный подвиг Казаков совершил 21 декабря 1916 года близ Луцка — он в одиночку атаковал два вражеских самолета «Бранденбург Ц1», сбив один из бомбардировщиков. Русский летчик за эту победу получил орден Святого Георгия 4-го класса. Всего за три года войны Казаков сбил лично 17, а в групповых боях — еще 15 самолетов противника и был признан самым результативным российским летчиком-истребителем Первой мировой.

В августе 1915 года Казаков становится штабс-ротмистром и начальником корпусного авиационного отряда, к февралю 1917 года — он уже командир 1-й боевой авиационной группы Юго-западного фронта. Эта группа стала первым специальным истребительным соединением в русской авиации, но даже став большим начальником, Казаков продолжал лично летать на боевые задания, в июне был в воздушном бою ранен в руку четырьмя пулями, но снова сумел благополучно приземлиться. В сентябре 1917 года он был произведен в подполковники, в декабре того же года на общем солдатском собрании избран командиром 19-го корпусного авиационного отряда.

Большевистский переворот Казаков так и не признал, за что вскоре был отстранен от командования. Не желая служить красным, в июне 1918 года он тайно уехал на белогвардейский русский Север, где стал командиром Славяно-Британского авиационного отряда. Англичане присвоили ему британский офицерский чин, что тоже делалось только в исключительных случаях — десятки других русских пилотов были приняты на службу в звании рядовых. К весне 1919 года Казаков уже майор британских ВВС, причем в боях получил еще одно ранение — в грудь, но опять выжил.

К концу лета 1919 положение белогвардейских частей на русском Севере становилось все тяжелее, и командование британского экспедиционного корпуса начало готовиться к эвакуации, согласившись при этом взять с собой русских летчиков. Но Казаков не пожелал покинуть родину и, как считают, покончил жизнь самоубийством — 1 августа во время очередного вылета он направил свой самолет в отвесное пикирование на собственный аэродром. На его могиле поставили надгробие из двух перекрещенных пропеллеров, а на белой доске вывели надпись: «Летчик Казаков. Сбил 17 немецких самолетов. Мир праху твоему, герой России».

Школа маршалов и атаманов

Это лишь три судьбы забытых русских героев Первой мировой войны. Но некоторым участникам безумной бойни повезло больше — они прожили долгую жизнь, а война стала лишь первой ступенькой карьеры. Многие будущие советские знаменитые военачальники первые подвиги совершили именно на фронтах «империалистической». Причем, подвиги настоящие — ведь будущие маршалы еще были в небольших чинах.

Строка в биографии Семена Буденного: «Участник Первой мировой войны. Отличался большой личной храбростью, стал кавалером четырех Георгиевских крестов, старший унтер-офицер». В биографии Георгия Жукова значилось: «Во время Первой мировой войны был призван в армию, попал на фронт в кавалерию, дослужился до звания унтер-офицера. Воевал храбро и был награжден двумя Георгиевскими крестами».

Семен Буденный. 1912 год. Фото: Архив / ИТАР-ТАСС

В самом начале войны, прибавив себе два года, на службу в русскую армию попросился и 17-летний Константин Рокоссовский. Уже через несколько дней будущий маршал отличился — переодевшись в гражданское, сходил в село, куда вошли немцы, и провел разведку их численности и вооружения. Когда немцы двинулись вперед, подготовившиеся русские их встретили огнем, обратили в бегство и разгромили, а Рокоссовского наградили Георгием IV степени.

В Литве, когда германская конница с пехотным полком с налета захватили станцию Трошкунай, Рокоссовский с четырьмя однополчанами уничтожил всех немецких корректировщиков огня. Храбрецы весь день просидели во вражеском окопе, отстреливаясь из оружия убитых немцев, и лишь под покровом темноты без потерь отошли к своим. За этот подвиг Рокоссовский был награжден второй Георгиевской медалью IV степени, и это далеко не все «георгиевские» награды будущего маршала.

А вот подвиг будущего белогвардейского атамана, а в ноябре 1914 года — хорунжего Григория Семенова. В ноябре 1914 года германская кавалерийская бригада неожиданно атаковала шедшие без охранения обозы казачьей бригады, захватила пленных и массу трофеев, в том числе знамя 1-го Нерчинского полка. Но в это время из разведки возвращался хорунжий Семенов с 10 казаками. Узнав, что произошло, будущий атаман со своим маленьким отрядом стремительно атаковал германский арьергард, порубил и обратил в бегство заставу противника. Немцы были так шокированы, что не разобравшись в силах русских, бросились бежать, заразили паникой своих товарищей, и вскоре весь полк, бросив добычу, устремился прочь. В результате было отбито знамя, 150 повозок, артиллерийский парк, освобождено 400 пленных. Семенов был награжден орденом Святого Георгия IV степени, все его казаки — Георгиевскими крестами.

Позже Семенов отличился в еще одной сходной ситуации. Снова с разездом из 10 казаков он был отправлен в сторону вражеских позиций на шоссе в сторону города Млава. Заметив, что германская пехотная застава ночью потеряла бдительность и греется у костров, казаки открыли по ней огонь с нескольких сторон. Разогнав и перебив заставу, казаки начали демонстративно разбирать проволочные заграждения. И снова случилась «цепная паника» — немцы приняли налет за крупное наступление, бегущие пехотинцы напугали роту, отступающая рота — городской гарнизон Млавы. Семенов скрытно продвигался следом, периодически посылая казаков с донесением командованию, и в сам город вошел лишь с одним бойцом. Из единственной имевшейся винтовки они подбили и захватили две машины, ранили нескольких немцев. Подоспевшие подкрепления застали двух героев, взявших город, ужинающими в ресторане на главной улице. Семенова за этот подвиг наградили Георгиевским оружием.

Марсель Пля. Фото: Журнал «Огонёк» от 23 октября 1916 года

Одним из немногих, если не единственным темнокожим кавалером георгиевских крестов III и IV степеней стал Марсель Пля, полинезиец по происхождению. В Россию он попал в 17 лет, с началом войны пошел на фронт добровольцем и сначала был шофером, а затем попал в экипаж одного из бомбардировщиков «Илья Муромец», где служил мотористом и пулеметчиком. В апреле 1916 года он принял участие в воздушном налете на укрепленную зенитными орудиями станцию Даудзевас. Немцы обстреляли и подбили русский самолет, но Марсель сумел вылезти на крыло и долгое время оставался там, ремонтируя поврежденные двигатели.

Благодаря темнокожему русскому солдату самолет, получивший около 70 пробоин, сумел совершить посадку. Все члены экипажа за этот бой были отмечены воинскими наградами и повышены в звании, а Марселю Пля было присвоено звание старшего унтер-офицера, о нем активно писала пресса тех лет.

Марсель Пля принял участие и в доработке самолетов «Илья Муромец», предложив его создателю авиаконструктору Игорю Сикорскому ряд усовершенствований. В частности, он отмечал, что на борту бомбардировщика «в воздухе хорошо, хотя и сильно обдувает», однако «на взлете и посадке нестерпимо трясет, и потому приходится вставать», а сиденье мешает при стрельбе и должно быть складным. Все эти замечания были впоследствии учтены Сикорским.

Не пионеры, но герои

Особая история — судьбы малолетних героев войны, тогда еще не пионеров, хотя их подвиги также для поднятия боевого духа использовала пропаганда. Правда, надо признать, и власти, и пресса к таким историям относились осторожно — как и на всякую войну, на Первую мировую мальчишки (а иногда даже девочки) массово убегали из дома. Для родителей и станционных жандармов это стало настоящей проблемой. Только в сентябре 1914 года и в одном только Пскове жандармы сняли с поездов более 100 детей, ехавших на фронт. Но некоторым удавалось добраться и тем или иным способом действительно попасть в части.

12-летний георгиевский кавалер Владимир Владимиров, например, попал на фронт со своим отцом, хорунжим казачьего полка. После гибели отца был взят в команду разведчиков. Во время одного из походов по вражеским тылам попал в плен, но сумел бежать, добыв при этом ценные сведения. 13-

летний Василий Правдин неоднократно отличался в сражениях, вынес из боя раненого командира полка. Всего за войну мальчик был награжден тремя георгиевскими крестами. 12-летний сын крестьянина Василий Наумов сбежал на фронт из далекой деревни, был «усыновлен» полком, стал разведчиком, был награжден двумя солдатскими георгиевскими крестами и георгиевской медалью. 14-летний доброволец из Москвы, воспитанник Строгановского училища Владимир Соколов был дважды ранен, дослужился до унтер-офицера и награжден Георгиевским Крестом 4-й степени «за захват неприятельского пулемета во время атаки на австро-германском фронте».

И в завершение — о девочке, ученице 6-го класса Мариинского училища Кире Башкировой. Выдавая себя за «добровольца Николая Попова», она тоже сумела прибиться к воюющему полку и уже через неделю отличилась в ночной разведке, была удостоена георгиевского креста. После того, как однополчане раскрыли тайну «Николая», Киру отправили домой, но вскоре неугомонная девушка вновь очутилась на фронте в другой части.

Подробнее <http://rusplt.ru/ww1/history/zabyityie-geroi-13043.html>